

Макроэкономические и структурные свойства российского рынка труда

Почетный доклад на XVIII Апрельской международной конференции НИУ ВШЭ

Апрель 2017 г.

Е.Т.Гурвич

Экономическая экспертная группа

Введение

Доклад основан на серии исследований, выполненных в 2014-2016 гг. и поддержанных Российским научным фондом.

Полученные результаты изложены в коллективной монографии «Механизмы российского рынка труда» (2016) под ред. Е.Гурвича и Е.Вакуленко. Авторский коллектив: Е. Гурвич (ЭЭГ), Е. Вакуленко (НИУ ВШЭ), М.Иванова (ЭЭГ), Е. Клепикова (НИУ ВШЭ), М. Дедова (НИУ ВШЭ), Р. Леухин (ЭЭГ), А. Хазанов (МГУ).

Анализ рынка труда, как и экономики в целом включает множество связанных между собой аспектов: макроэкономический, структурный, микроэкономический, институциональный.

Важность анализа макроэкономических свойств рынка труда определяется тремя факторами. 1) Это база изучения экономики рынка труда, 2) Это не просто существенная часть макроэкономических свойств экономики в целом, но набор признаков, определяющий, какая модель более точно описывает данную экономику. Таким образом, макроэкономический анализ российского рынка труда - необходимое условие понимания как устроена наша экономика.

Едва ли не главное содержание макро анализа рынка труда - описание его адаптации к различным шокам (например, изменению объемов производства или производительности труда, или изменению предложения труда). Проблема адаптации имеет много измерений хотя бы потому, что она включает несколько механизмов. Так, в краткосрочном плане реакций сводится к изменению числа занятых и заработной платы, однако в средне- и долгосрочной перспективе фирма может корректировать также объем используемого капитала. В результате в зависимости от соотношения цены труда и капитала один из этих ресурсов может замещаться другим, формируя новое равновесие на рынке труда. Поэтому в анализе необходимо по возможности различать кратко- и долгосрочные связи между показателями рынка труда. Ниже мы учитываем наличие нескольких уровней адаптации рынка труда к шокам.

Эмпирический анализ показывает, что рынки труда в разных странах демонстрируют существенно различающееся поведение - и с точки зрения связей между переменными, и с точки зрения результатов. Небольшой пример: в одних европейских странах рынок труда достаточно быстро перешел к новому равновесию после кризиса 2008 года, в других безработица остается рекордно высокой (рис.1). Эти различия объясняются в основном институциональными условиями - т.е. регуляторными правилами игры и сложившимися практиками. Многие институты приводят к тому что действие РТ отличается от теоретически ожидаемого, либо по крайней мере проявляется слабо и/или с большим лагом. Таким образом, институциональные условия способны снижать общую эффективность экономических механизмов.

Рис.1

Базовые макроэкономические модели, прямо или косвенно характеризующие рынок труда, включают две группы:

1. Связи между индикаторами рынка труда (РТ)

- Закон Оукена – связывает темпы роста ВВП и изменение безработицы (Okun, 1962),
- Связь между зарплатой и безработицей. Одна из форм – зависимость реальной зарплаты от уровня безработицы, другая - «кривая зарплат» (связь между региональными уровнями безработицы и оплаты труда в определенный момент).
- Модель Бланшара-Катца, увязывающая 3 ключевые показателя РТ: зарплату, производительность труда, и безработицу (Blanchard, Katz, 1999),

- Предложение труда в зависимости от уровня его оплаты,
- Оценка «естественного уровня безработицы».

2. Связи переменных собственно РТ с другими макро переменными

- Классическая кривая Филлипса (т.е. инфляция - безработица),
- Связь между заработной платой и ценами.

Наш проект начался в середине 2014 г. Какие из этих базовых связей были к этому времени изучены? Из всех перечисленных пунктов на тот момент мне были известны работы только по одному важному, но "пограничному" пункту - по кривой Филлипса (Гафаров, 2011), и по одному "внутреннему" для РТ, но менее важному пункту – «кривой зарплат» (Шилов, Меллер, 2008). В нескольких работах делались неудавшиеся попытки построить какие-то макро модели (например закон Оукена – Ахундова, Коровкин, Королев, 2005). Таким образом, в целом о макроэкономических механизмах российского рынка труда было известно крайне мало, т.е. они практически представляли собой terra incognita.

Несмотря на очень слабую изученность механизмов макроэкономической адаптации российского рынка труда (РРТ), общепринятой считалась (и продолжает считаться) концепция «русской модели рынка труда», сформулированная как раз в макроэкономических терминах. Эта концепция берет начало от работы Лейярда и Рихтера (1995) (Layard, Richte, 1995), которые отметили, что глубокое падение производства в России в первые годы после начала рыночных реформ, сопровождалось меньшим ростом инфляции чем в других переходных экономиках, несмотря на БОЛЬШОЙ спад производства. С тех пор считается, что основная черта российского рынка труда определяется сочетанием довольно сильной реакции зарплаты и относительно слабой реакции численности занятых на шоки производства. Гимпельсон, Капелюшников и некоторые др. авторы не раз возвращались к этой теме, приводя аргументы в пользу того, что реакция на последующие шоки была аналогичной.

С этой концепцией есть несколько проблем. а) Концепция не говорит, за счет чего адаптация происходит - таким образом, не раскрывает механизмы. б) Концепция не основана на макро моделях (мы говорили, что до нас не было ни одной оцененной модели). в) Аргументация базируется в основном на реакции РРТ в период двух экстремальных кризисов: 1992–1994 гг. и 2008–2009 гг. Опыт показывает, что кризисные ситуации всегда уникальны с точки зрения величины, а часто – и природы испытываемых

шоков. Известно, что в таких случаях реакция рынка труда часто сильно отличается от типичной для «спокойного» времени.

Эти пункты свидетельствуют что концепция "российской модели рынка труда" – представляет собой скорее экспертное суждение, чем научный результат. Для того чтобы серьезно говорить о специфике макроэкономической адаптации необходимо во-первых формулировать ее в терминах базовых моделей, во-вторых иметь не отдельные наблюдения, а построенные макро модели, поскольку только это позволяет говорить о закономерностях, а не об отдельных наблюдениях. Наконец, недостаточно указать на отличие российских механизмов адаптации от типичных для других стран (если можно говорить о типичных) - необходимо интерпретировать эти отличия, как-то определить отношение к ним.

Если образно сравнить ситуацию с "российской моделью рынка труда" с постановкой медицинского диагноза, она выглядела бы так. В качестве диагноза врач указывает "повышенную температуру", хотя понятно что это не заболевание, а симптом, за которым могут стоять разные заболевания, температура измеряется на глаз, без прибора, тем более не проводятся другие анализы. Наконец, неясно, у нас температура повышенная а у остальных нормальная, или наоборот - у нас нормальная, а у остальных повышенная.

В своем проекте мы строим набор базовых макроэкономических моделей российского рынка труда и показываем, какие качественные и количественные выводы они позволяют делать. В качестве заключительного шага мы формулируем нашу версию «российской модели рынка труда». Наш подход состоит в том, что мы проводим систематический сравнительный анализ характеристик российского рынка труда и рынков труда других стран, и на основе таких межстрановых сопоставлений делаем вывод о ключевых особенностях РРТ.

Закон Оукена

(Вакуленко, Гурвич, 2015)

Предложенная Оукеном более полувека назад эмпирическая связь

$$, \tag{1}$$

остается одним из основных инструментов анализа рынка труда. Здесь: u , g – уровень безработицы и темп роста ВВП соответственно.

Соотношение (1) означает, что изменение темпов экономического роста на 1 п. п. меняет динамику безработицы на b п. п. Параметр b называют «коэффициентом Оукена».

Наиболее дискуссионный вопрос связан со степенью устойчивости во времени и универсальности соотношений (1) – т.е. применимость одних и тех же коэффициентов Оукена ко всем странам и их стабильность. Другой вопрос: чем определяются различия и/или изменение значений КО?

Общий разброс мнений включает такие варианты:

1. Устойчивая и универсальная связь,
2. Устойчивые, но дифференцированные по странам коэффициенты связи,
3. Меняющиеся значения КО,
4. Отсутствие устойчивой связи,
5. «Ситуативный» характер связи (в зависимости от обстоятельств).

Показано, что выполнение ЗО характерно только для достаточно зрелого рынка труда. В некоторых менее развитых странах (включая Индию и Китай) не удалось обнаружить значимых связей между производством и безработицей. Габриш и Бушер предложили считать **формирование рыночных механизмов на рынке труда бывших плановых экономик завершенным, когда там начинает устойчиво выполняться закон Оукена.**

Замечено, что связь безработицы и роста нередко носит асимметричный характер, отличаясь для периодов роста и спада. Здесь возможны 2 объяснения: «избежание рисков» и «удержание работников». В первом случае, как только начинается рецессия, работодатели немедленно сокращают издержки, в том числе на оплату труда, чтобы избежать убытков. При возобновлении роста они вновь набирают работников. Второй вариант предполагает, что увольнение и набор работников имеет законодательные ограничения либо сопряжено с дополнительными издержками (например, на поиски, отбор и обучение работников). Тогда, напротив, при ухудшении конъюнктуры работодатели пытаются все же удержать работников. Для развитых стран типично более сильная реакция при спаде – т.е. «избежание рисков».

На первом этапе мы исследовали направление причинно-следственных связей между переменными. Их направление далеко не однозначно – в большинстве случаев ВВП влияет на безработицу (это означает, что закон Оукена описывает спрос на труд). Однако в ЮАР направление причинности в долгосрочной перспективе идет от безработицы к ВВП (содержанием связи тогда является скорее производственная функция), а в Малайзии связь между рассматриваемыми переменными двухсторонняя.

Применительно к России оказывается, что безработица не служит причиной ВВП, а ВВП является причиной безработицы – т.е. характер этой связи является типичным.

Оценка коэффициента Оукена при стандартном построении оценки составила – 0,103, т.е. ускорение роста экономики на 1 п. п. означает снижение безработицы на 0,1 п. п. Среднесрочная связь характеризуется большим значением коэффициента Оукена (0,15). Показатели изменения безработицы и роста ВВП оказались коинтегрированы, долгосрочный коэффициент связи несколько ниже краткосрочного (0,07-0,08).

При прочих равных условиях, уровень безработицы возвращается к долгосрочному равновесию примерно через 0,5 года после негативного шока (численность занятых через 4 месяца). Это гораздо быстрее, чем, например, в Великобритании – 3,75 года, и сопоставимо с цифрами по Японии – 8,5 месяца. Общие выводы: закон Оукена выполняется в России как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

На следующем шаге проверялась симметричность связей. Построенные оценки показали, что **реакция на негативные шоки производства более чем в 2 раза превышает по силе реакцию на позитивные.** Более того, коэффициент Оукена при положительном изменении ВВП незначимо отличается от нуля. Таким образом, **в поведении работодателей в России (как и в большинстве других стран) преобладает уход от рисков, а не стремление сохранить работников.**

Далее мы собрали оценки краткосрочных коэффициентов Оукена за сопоставимые периоды. В таблице 1 приведены оценки коэффициента Оукена для выборки, включающей как развитые страны, так и страны с формирующимся рынком. Причем были отобраны лишь результаты, полученные для спецификации вида (1) по квартальным данным с помощью аналогичных эконометрических методов.

Таблица 1. Коэффициенты Оукена по выборке развитых стран и формирующихся рынков

Страна	Оценка коэффициента b_1	Источник оценки	Период наблюдения
Испания	-0,40	Jardin, Gaetan, 2012	1984–2009
США	-0,29	Ball et al., 2013	1948Q2–2011Q4
Великобритания	-0,24	Jardin, Gaetan, 2012	1984–2009
Франция	-0,22	Jardin, Gaetan, 2012	1984–2009
Чехия	-0,21	D'Apice, 2014	1994–2013
Германия	-0,17	D'Apice, 2014	1994–2013
	-0,13	Jardin, Gaetan,	1984–2009

		2012	
Венгрия	-0,15	D'Apice, 2014	1994–2013
Швейцария	-0,14	Jardin, Gaetan, 2012	1984–2009
Бразилия	-0,12	Tombolo, 2014	1980Q1– 2013Q3
<i>Россия</i>	<i>-0,10</i>	<i>Оценка авторов</i>	<i>1995Q1–2013Q3</i>
Нидерланды	-0,10	Jardin, Gaetan, 2012	1984–2009
Италия	-0,06	Jardin, Gaetan, 2012	1984–2009

Если отбросить несколько развитых стран с высокими значениями коэффициента Оукена, то Россия окажется близка к средним его значениям по выборке.

Общие свойства связи между ВВП и показателями безработицы в нашей стране аналогичны выявленным для других стран. Значения коэффициента Оукена отрицательны и достоверно отличаются от нуля. Реакция безработицы на падение производства значительно сильнее, чем на его рост, связь носит устойчивый долгосрочный характер (переменные коинтегрированы), в краткосрочном плане на это накладывается краткосрочная реакция на шоки. Как и в других странах, связь ВВП–безработица усиливается в кризисные периоды и снижается (вплоть до того, что может стать незначимой) в периоды роста экономики.

Проведенный анализ позволяет также выдвинуть гипотезу относительно общих свойств закона Оукена. Наблюдаемые различия значений КО между странами и периодами, с одной стороны, определяются не только институциональными свойствами рынка труда (сила переговорных позиций профсоюзов, степень защищенности работников от увольнения и др.), но в не меньшей степени – характером испытываемых шоков. В России в рассматриваемый период преобладали положительные шоки, а в большинстве других стран выборки они были относительно сбалансированными. Это означает, что сравнительно низкие оценки КО могут отражать не столько специфику отечественного рынка труда, сколько условия, в которых развивалась российская экономика в рассматриваемый период. В дальнейшем анализ закона Оукена, очевидно, должен проводиться с учетом условий, действовавших в анализируемый период, – в частности, соотношения длительности периодов роста и спада экономики.

Взаимосвязь зарплаты-производительность-безработица

(Вакуленко, Гурвич, 2015)

Теоретический анализ оперирует в основном показателями не объема производства, а производительности труда. Согласно классической микроэкономической теории, существует прямая зависимость оплаты труда от производительности. При совершенной конкуренции фирмы получают максимальную прибыль, если устанавливают зарплату на уровне предельной производительности труда.

Рассмотрим взаимосвязь трех основных агрегированных характеристик состояния рынка труда: реальной величины зарплаты, производительности труда и уровня безработицы. При этом оцениваются не только количественные параметры связи, но и ее логика, содержательный характер. В частности, мы анализируем, какие из найденных зависимостей носят причинный характер, что помогает выявить модели, которые лучше описывают российский рынок труда. Кроме того, мы сравниваем модели, построенные для периода между двумя финансовыми кризисами и на данных за более длительный период, включающий кризисы 1998 и 2008–2009 гг. Сопоставление результатов позволяет косвенно судить об изменении поведения работодателей в периоды кризисных шоков (либо об отсутствии таких изменений).

Многие работы, изучающие связь между тремя базовыми показателями рынка труда, основаны на статье: Blanchard, Katz, 1999. В ней отмечается, что большинство теоретических моделей формирования зарплаты (прежде всего модель поиска и подбора) предполагают отрицательную связь между уровнями зарплаты и безработицы, а классическую кривую Филлипса (с зарплатой в качестве приближения для инфляции) можно интерпретировать как отрицательную связь между ожидаемыми темпами роста реальной зарплаты и безработицы. Показано, что обе эти связи при достаточно естественных предположениях сводятся к уравнению вида:

$$w_t - p_t^e = \alpha + \beta * (w_{t-1} - p_{t-1}) + (1 - \beta) * y_t - \gamma * u_t + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где: w_t – номинальная зарплата; p_t (p_t^e) – фактический (ожидаемый) уровень цен; y_t – производительность труда; u_t – уровень безработицы в момент t .

Следуя этой работе, в ряде исследований рассматривалась связь между тремя ключевыми переменными: реальной зарплатой, производительностью труда и безработицей. Построенные модели позволяют в интегрированном виде измерить эффект широкого набора важнейших механизмов РТ: влияние дополнительной добавленной стоимости, создаваемой работником, на оплату труда и занятость; влияние безработицы на

оплату труда; влияние стоимости труда на число занятых и т.д. Так, примерно для половины рассмотренных стран ОЭСР была обнаружена долгосрочная коинтеграционная связь производительность – зарплата – безработица.

Модель оценивалась на российских данных в нескольких вариантах, различающихся спецификацией показателей и периодом наблюдения (широким и отграниченным, не включающим кризисы 1998 и 2008 гг.).

Анализ включал изучение качественных характеристик связей между основными показателями российского рынка труда. Прежде всего, мы проверяли наличие причинно-следственных (с точки зрения эконометрических критериев) связей между переменными. Характер таких связей далеко не однозначен и несет важную информацию о механизмах рынка труда.

Согласно классической экономической теории, производительность положительно влияет на зарплату. Однако достаточно популярна и концепция «эффективной зарплаты», которая предсказывает обратное направление влияния, что объясняется стимулирующим воздействием высокой оплаты на трудовые усилия работников. Т. Домен с соавторами (2014) интерпретировали полученные ими данные исследований на микроуровне как косвенное подтверждение актуальности этой гипотезы для России.

Еще большая неопределенность характерна для связи между производительностью и безработицей – здесь не ясны не только направление, но и знак влияния. Повышение производительности может привести к снижению необходимого числа работников, увеличив тем самым безработицу, либо, напротив, к повышению объема производства, сократив ее. Быстрый рост производительности может вызвать краткосрочное повышение безработицы, однако затем она стабилизируется (или даже несколько снижается). Однако существуют механизмы, которые могут действовать в обратном направлении: высокая безработица стимулирует трудовые усилия, а при сокращениях в первую очередь увольняют наименее эффективных работников – и то и другое повышает производительность. Было также показано, что характер данной взаимосвязи существенно зависит от природы испытываемых экономикой шоков: если преобладают технологические шоки, то рост производительности ассоциируется со снижением занятости, а при шоках спроса производительность и занятость имеют положительную связь (Gali, 1996).

В период между кризисами производительность явно воздействует на зарплату, на всем периоде такая связь слабая. Вероятно, это объясняется тем, что в ходе кризиса 1998 г. всплеск инфляции привел к тому, что реальная зарплата снизилась сильнее, чем

производительность, а в 2009 г., напротив, искусственная поддержка обменного курса обеспечила сравнительную стабильность зарплаты, несмотря на падение производительности.

Почти отсутствуют свидетельства зависимости производительности от зарплаты. Тем самым **не получает подтверждения гипотетическое действие в России механизма «эффективной заработной платы».**

Одно из важных направлений анализа рынка труда – проверка возможной асимметрии его реакции на положительные и отрицательные шоки. Асимметрия в адаптации зарплаты и безработицы была обнаружена в ряде стран ОЭСР: на этапе спада номинальные размеры зарплаты снижаются незначительно, а ее реальная величина может даже вырасти, что ведет к уменьшению занятости. При подъеме, напротив, занятость восстанавливается сравнительно медленно, в результате весь бизнес-цикл оказывается «скошенным»: за резким глубоким спадом следует медленный более продолжительный подъем. Асимметричное поведение служит важным признаком неэффективности рынка труда: оно затрудняет адаптацию к негативным шокам и может объясняться ожидаемыми трудностями подбора работников в будущем, при переходе к фазе подъема.

Мы построили для изучаемых переменных модификацию модели VECM, учитывающую асимметрию. Тем самым удается разделить долгосрочные связи и краткосрочные реакции на шоки.

Полученные оценки долгосрочных коэффициентов связи показали их достаточную устойчивость по отношению к спецификации (Таб.2).

Таблица 2. Результаты оценивания моделей VECM – коэффициенты в коинтеграционных соотношениях

Зависимая переменная – оплата труда

Переменная	Вариант			
	1	2	3	4
Производительность труда	0,59	0,59	0,73	0,72
	(0,17)	(0,10)	(0,15)	(0,16)
Уровень безработицы	-0,14	-0,12	-0,12	-0,07
	(0,03)	(0,01)	(0,02)	(0,02)
Константа	7,74	7,51	7,07	6,93

Примечание. Все коэффициенты значимы на уровне 1%.

Все коэффициенты коинтеграционных уравнений, независимо от спецификации, имеют высокосignificantные и ожидаемые с точки зрения экономической теории знаки:

зарплата положительно зависит от производительности труда и отрицательно – от уровня безработицы. Сравнение уравнений для вариантов 1 и 2 показывает, что, как ни удивительно, долгосрочная связь между переменными рынка труда почти не зависит от того, включает анализируемый период финансовые кризисы или нет. Все три коэффициента уравнения практически совпадают для полного и «спокойного» периодов наблюдения. В обоих случаях рост производительности труда на 1% ведет к росту заработной платы на 0,59%, а повышение уровня безработицы на 1 п. п. влечет за собой снижение зарплаты на 14 и 12% в спецификациях 1 и 2 соответственно.

Для уравнения заработной платы коэффициент при положительном коинтеграционном соотношении значим и имеет отрицательный знак. Другими словами, после положительных шоков заработная плата возвращается к своему долгосрочному тренду.

Точечное значение коэффициента при положительном шоке больше, чем при отрицательном, но статистических различий между коэффициентами при положительном и отрицательном значении коинтеграционного соотношения нет. Следовательно, гипотеза о наличии асимметрии подстройки отвергается.

Анализ реакции модели на шоки позволяют сделать общий вывод: **в период между кризисами после шоков производительности или безработицы рынок труда возвращается к той же траектории; в остальные периоды шоки переводят рынок труда в состояние с другим сочетанием переменных.**

В табл.3 приведены оценки эластичности зарплаты по производительности труда.

Таблица 3. Оценка эластичности долгосрочной связи между производительностью труда и зарплатой

	Страна	Источник оценки	Период наблюдения	Эластичность зарплаты по производительности труда
1	Малайзия	Goh, Wong, 2010	1970–2005	1,223
2	Великобритания	Pascalau, 2007	1960–2005	1,13
3	Швеция	Pascalau, 2007	1960–2005	0,787
4	Испания	Pascalau, 2007	1960–2005	0,745
5	Россия	Настоящая работа	1995–2013	0,59
6	ЮАР	Wakeford, 2004	1990–2002	0,58
7	Германия	Pascalau, 2007	1960–2005	0,454
8	США	Pascalau, 2007	1960–2005	0,099
9	Япония	Pascalau, 2007	1960–2005	0,014
10	Панель, включающая 13	ECB, 2012	1995–2011	0,605

	стран зоны евро			
11	Панель, включающая 19 стран с формирующимся рынком	Klein, 2012	1996–2009	0,48*

Примечание. * Коэффициент коинтеграционного соотношения, не включающего безработицу.

По показателю эластичности Россия занимает медианную позицию в выборке. Зависимость оплаты труда от производительности достаточно выражена (в отличие от США и Японии) и в то же время находится в разумных и безопасных пределах – существенно ниже 1 (чем выгодно отличается от Великобритании и ЮАР). Панельные регрессии по группам стран дают значения, близкие к нашим оценкам эластичности для России. Таким образом, сравнительный анализ построенных уравнений не поддерживает гипотезу о том, что российский рынок труда выделяется слишком сильной реакцией зарплаты на шоки производительности труда

Эластичность реальной зарплаты по безработице

(Вакуленко, Гурвич, 2016)

Здесь мы изучали реакцию реальной зарплаты на изменение безработицы. Такая гибкость определяет способность рынка труда быстро и эффективно адаптироваться к шокам. Сохранение экстремально высокой безработицы в нескольких европейских странах через 8 лет после Великой рецессии свидетельствует об очень низкой гибкости их рынков труда в данном понимании этого термина.

Для получения более надежных результатов мы оценили гибкость реальной зарплаты для России тремя разными способами. Каждый вариант оценок мы сравнивали со значениями, полученными для других стран.

В таблицах 4-6 приведены результаты таких сравнений.

Таблица 4. Международные сопоставления, модель 1

Страна	Полуэластичность реальной заработной платы по уровню безработицы	Страна	Полуэластичность реальной заработной платы по уровню безработицы
Словакия	0,06 (не значим)	Дания	-0,38
Испания	-0,18	Германия	-0,42
Франция	-0,28	Чехия	-0,48
Португалия	-0,29 (не значим)	Нидерланды	-0,51
Великобритания	-0,29	Венгрия	-0,81

Бельгия	-0,3	В среднем по странам с переходной экономикой (без России)	-0,40
Италия	-0,31	В среднем по развитым странам	-0,22
Польша	-0,35	Россия	-0,93

Примечание. Оценка для России взята из табл. П1 (спецификация (1)); оценки по другим странам – из (Poesck, Veiner, 2007, tabl. 9, column 3, specification all).

Таблица 5. Международные сопоставления, модель 2 (β – эластичность реальной зарплаты по безработице)

Страны	ρ	γ	β
Ирландия	0,31	-0,5	0,07*
Греция	0,53	-0,34	-0,08*
Испания	-0,18*	-0,11*	-0,16
Люксембург	0,37	-0,45	-0,18*
Франция	0,3	-0,6	-0,22
Нидерланды	0,28	-0,34	-0,25
Финляндия	0,54	-0,76	-0,39
Италия	0,67	-0,61	-0,65
Бельгия	0,32	-0,6	-0,71
Германия	0,74	-0,72	-0,73
Португалия	0,11*	-0,54	-0,97
Австрия	0,25	-0,23	-1,17
Россия	0,15	-1,07	-1,22

Резюмируя, можно сделать следующие выводы:

1. Для всех трех использованных в работе способов построения зарплатной кривой Филлипса получены значимые эконометрические оценки с правильными с точки зрения экономической логики знаками. Это подтверждает сделанный рядом авторов вывод о том, что, начиная с 2000-х годов, на российском рынке труда сформировались действенные рыночные механизмы.

2. Независимо от способа оценки эластичность реальной заработной платы по уровню безработицы для России оказывается выше (по абсолютной величине), чем во всех или почти всех других странах, для которых имеются аналогичные оценки. Это

позволяет сделать устойчивый вывод о том, что российский рынок труда характеризуется очень высокой гибкостью (понимаемой как реакция реальной заработной платы на безработицу).

3. Полученный вывод вполне согласуется с динамикой безработицы, наблюдавшейся после международного финансового кризиса 2008–2009 гг. и в ходе финансового кризиса, начавшегося во втором полугодии 2014 г. В обоих случаях уровень безработицы достаточно быстро вернулся к прежним (или близким к ним) значениям.

Предложение труда

(Клепикова, 2016)

Модель оценивала на основе микроданных зависимость вероятности трудовой активности в зависимости от зарплаты и не трудовых доходов (таб.7).

Таблица 7. Эластичность вероятности экономической активности для различных групп населения

	Всего	Мужчины 25–54		Мужчины 60–64	Женщины 25–54		Женщины 55–59
		женатые	одинокие		замужние	одинокие	
По зарплате	0,048***	0,058***	0,108***	0,241***	0,021***	0,013	0,212***
По нетрудовому доходу	–0,006***	–0,006***	–0,007***	–0,011***	–0,006***	–0,007***	–0,015***
Количество наблюдений	55 001	19 117	5263	2764	21 168	9257	5694

Отметим, что для мужчин эластичность выше, чем для женщин. Таким образом, их решение о выходе на рынок труда в большей степени определяется финансовыми характеристиками рабочего места. Женщины могут при принятии решения о занятости в большей степени ориентироваться на такие характеристики, как удобное местоположение работы, гибкий график, хороший коллектив и т. д., в ущерб заработной плате. Более высокая эластичность для людей пенсионного возраста – ожидаемый результат, поскольку по его достижении многие уходят с рынка труда, остаются только те, у которых работа в большей степени связана с интеллектуальным, а не физическим трудом, они могут занимать более высокие должности, возможно, руководящие, а значит, более высокооплачиваемые. Кроме того, если пожилой человек имеет семью, детей и внуков, то ему может быть выгоднее взять на себя часть домашних обязанностей и позволить более молодым членам семьи зарабатывать деньги, так как часто их заработная плата выше.

Рассчитанная эластичность предложения труда по нетрудовому доходу в целом соответствует результатам, полученным в исследованиях для других стран. Например, в

США в большинстве работ полученные оценки эластичности по нетрудовому доходу лежат в пределах от $-0,1$ до 0 (McClelland, Mok, 2012). В развитых странах Европы они варьируют в несколько более широких пределах: от $-0,4$ до 0 (Bargain et al., 2014).

Причинно-следственная связь между инфляцией и заработной платой

(М.Иванова, 2016)

Традиционно изменение уровня заработной платы рассматривается как один из факторов инфляции, что соответствует логике модели «инфляции издержек». В то же время существует и другая модель инфляции («инфляция спроса»), согласно которой причинно-следственная связь действует в обратном направлении – от инфляции к заработной плате, то есть изменение инфляции является причиной для изменения заработных плат в экономике.

На первом этапе нашего анализа с помощью процедуры Йохансена тестируется гипотеза о наличии коинтеграции между ценами и заработной платой (скорректированной на динамику производительности труда). Коинтеграционное соотношение может быть представлено в виде:

$$p_t = \beta_0 + \beta_1 (nw - q)_t + u_t \quad (3)$$

Оцененная на основании данного коинтеграционного соотношения модель коррекции ошибками описывается следующими уравнениями:

$$\Delta p_t = \gamma_0 + \alpha_1 u_{t-1} + \sum_{j=1}^s \gamma_{1j} \Delta p_{t-j} + \sum_{j=1}^s \gamma_{2j} \Delta (nw - q)_{t-j} + \varepsilon_{1t} \quad (4)$$

$$\Delta (nw - q)_t = \delta_0 + \alpha_2 u_{t-1} + \sum_{j=1}^s \delta_{1j} \Delta (nw - q)_{t-j} + \sum_{j=1}^s \delta_{2j} \Delta p_{t-j} + \varepsilon_{2t} \quad (5)$$

В уравнениях (4) и (5), коэффициенты α являются корректирующими коэффициентами, отвечающими за скорость подстройки к долгосрочному тренду после шоков.

Для ответа на вопрос о направлении причинно-следственной связи предлагается использовать тест на слабую экзогенность [19]. Таким образом, если корректирующий коэффициент α_1 в уравнении (4) равен нулю, то есть цены являются слабо экзогенной переменной, в то время как в уравнении (5) коэффициент α_2 значимо отличается от нуля, подтверждается теория инфляции спроса: динамика цен определяет поведение заработной платы. Если же выполняется обратное условие, и заработная плата является единственной слабо экзогенной переменной, подтверждается теория инфляции издержек: динамика инфляции следует за динамикой заработных плат. Если в обоих уравнениях

корректирующие коэффициенты являются значимыми, это означает, что наблюдается двусторонняя связь между инфляцией и заработной платой. Тест на слабую экзогенность свидетельствует о направлении причинно-следственной связи в долгосрочном периоде. В то же время, одна переменная может определять динамику другой переменной лишь в краткосрочном периоде, что тоже необходимо учитывать при анализе причинности. Для оценивания причинно-следственной связи в краткосрочном периоде используется тест на причинность по Гренджеру, то есть проверяется значимость коэффициентов γ и δ в уравнениях (4) и (5).

Дальнейший анализ показал, что в России прослеживается двусторонняя связь между инфляцией и заработной платой, то есть подтверждается релевантность как модели инфляции издержек, так и модели инфляции спроса.

Наличие двусторонней связи между инфляцией и заработной платой означает, что при проведении денежно-кредитной политики Банком России, направленной на обеспечение ценовой стабильности, необходимо учитывать динамику заработной платы, как одного из ключевых факторов инфляции.

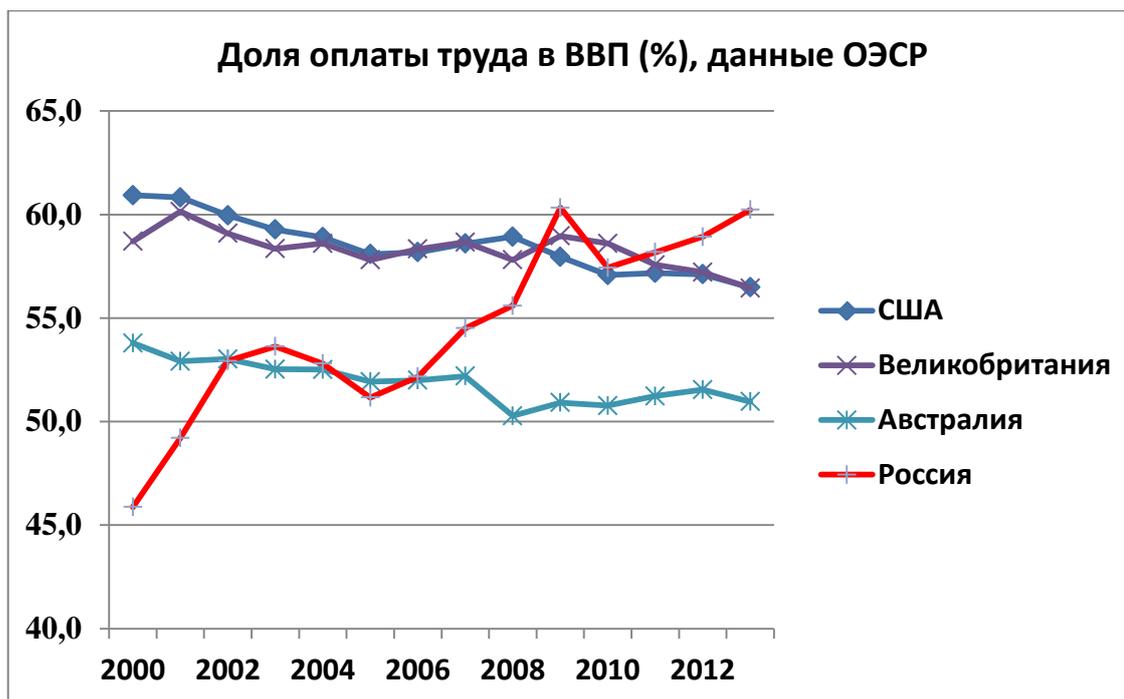
В развитых странах (например в США) обнаруживается лишь односторонняя связь – от инфляции к заработной плате, что соответствует выводам модели инфляции спроса. Так, модель инфляции издержек не находит подтверждения в современных условиях в развитых странах, что позволяет исключить заработную плату из списка факторов, определяющих динамику цен.

Среди возможных объяснений односторонней причинно-следственной связи между инфляцией и заработной платой в развитых странах называют проведение эффективной денежно-кредитной политики, направленной на минимизацию влияния различных шоков на инфляцию (в том числе и шоков заработной платы). Так, за последние двадцать лет большую популярность завоевала политика инфляционного таргетирования. Банк России также перешел к инфляционному таргетированию с конца 2014 года, что в будущем может изменить характер связи между зарплатой и инфляцией.

Примеры практического применения результатов

В последние 10 лет показатели российского рынка труда демонстрировали одну необычную тенденцию: в те годы, когда экономика росла, доля оплаты труда в ВВП последовательно увеличивалась. В большинстве других стран она напротив шла вниз, в небольшом числе оставалась стабильной, Россия – единственная страна где происходил

рост этой доли. По сути это означает что оплата труда росла быстрее его производительности (Рис.2).

Если отбросить начальный 1995 г., то построенная выше модель связи зарплата-производительность труда – безработица достаточно хорошо описывает фактическую динамику реальной зарплаты при заданных значениях двух других базовых показателей. В частности, за весь период I квартал 1996 – III квартал 2013 г. она предсказывает рост реальной заработной платы в 3,14 раза по сравнению с фактическим ростом в 3,02 раза. При этом практически равный вклад в этот рост вносят увеличение производительности труда и снижение безработицы. Модель предсказывает, что при неизменном уровне безработицы и фактической динамике производительности реальная зарплата выросла бы к концу периода на 79%, а при неизменной производительности и фактической динамике безработицы – на 75%. Таким образом, существенное снижение безработицы, сопровождавшее рост производительности труда, удвоило рост реальной зарплаты.

Приведенные расчеты объясняют кажущийся парадокс: реальная величина заработной платы в российской экономике росла быстрее, чем производительность труда, хотя оценки коэффициента эластичности зарплаты по производительности существенно ниже 1 (поэтому, казалось бы, первый показатель должен расти медленнее второго). **Важной причиной такого результата случила модель роста российской экономики – она росла за счет расширения спроса, а не технологического прогресса.**

Следующая проблема, для анализа которой могут быть использованы построенные оценки, – возможное введение ограничений на выплату пенсий работающим пенсионерам (такое предложение было выдвинуто в частности в: Гурвич, Сони́на, 2012). Отмену пенсии для таких работников фактически можно рассматривать как паушальный (фиксированный) налог на заработную плату. Для каждого респондента раннего пенсионного возраста по модели рассчитана вероятность быть экономически активным при фактическом уровне зарплаты и при его снижении из-за введения «условного налога», имитирующего потерю пенсионных выплат.

Отметим, что результат существенно зависит от соотношения между заработной платой и пенсией: если теряемая пенсия сопоставима с доходами от работы, то, оказавшись перед необходимостью выбора, человек может предпочесть получать пенсию и не работать. Если зарплата значительно превышает пенсию, то потеря пенсии вряд ли будет играть решающую роль при принятии решения о продолжении работы. В таблице 8 представлены расчетные оценки изменения трудовой активности в случае отмены пенсий для работающих граждан.

Таблица 8. Расчетное влияние отмены пенсий для работающих граждан при различном соотношении зарплаты и пенсии

	Интервал соотношения зарплаты и пенсии (%)		
	100–199	200–399	>400
<i>Мужчины</i>			
Среднее соотношение зарплаты и пенсии в группе (%)	131,9	242,8	501,4
Экономическая активность (%)	56,2	75	66
Изменение экономической активности при отмене пенсий (п. п.)	-29,1	-24	-7,7
<i>Женщины</i>			
Среднее соотношение зарплаты и пенсии в группе (%)	134,6	244,9	455,2
Экономическая активность (%)	63,6	80,4	83,3
Изменение экономической активности при отмене пенсий (п. п.)	-22,7	-15,1	-8,8

Анализ полученных оценок позволяет сделать вывод, что уже при зарплате, в 5 раз превышающей средний по стране уровень, трудовая активность среди работников, вынужденных выбирать между работой и пенсией, снизится не более чем на 1–2 п. п. Иными словами, нецелесообразно вводить ограничение на получение пенсии для работников с низкой и средней зарплатой, однако при зарплате в 5 и более раз выше средней это не приведет к заметному снижению трудовой активности.

Структурные свойства российского рынка труда

1. Бюджетный и негосударственный сектора РРТ имеют тесную двустороннюю связь между собой (Иванова, 2015).

Проведенный анализ показал, что лидером в процессе установления заработной платы в долгосрочном периоде выступает частный сектор. В краткосрочном периоде, в отличие от долгосрочного, лидером в процессе установления заработной платы, выступает государственный сектор. Данный вывод не противоречит экономической логике и согласуется с результатами как теоретических работ, так и эмпирических исследований, выполненных для других стран. Примером такой ситуации может служить исполнение «майских указов» Президента РФ об ускоренном росте заработной платы работников бюджетной сферы. Согласно результатам исследования, повышение заработной платы в государственном секторе экономики отражается на динамике заработной платы работников, занятых в частном секторе. Это обстоятельство может оказать негативное влияние на конкурентоспособность российской экономики. Ускоренный рост заработных плат в государственном секторе и следующий за ним рост заработных плат в частном секторе, не связанный с динамикой производительности труда, может приводить к ускорению инфляции, снижению конкурентоспособности и негативным последствиям для занятости и выпуска.

2. Вытеснение занятости в частном секторе (Дедова, 2016)

Численность занятых в бюджетном секторе оказывает значимое негативное влияние на численность занятых в негосударственном секторе. Более того, численность занятых в бюджетном секторе положительно влияет на уровень безработицы. Механизм – повышение оплаты труда в госсекторе, снижающее спрос в частном.

3. Формирование численности занятых в бюджетном секторе (Гурвич, Хазанов, 2016)

Проведенный нами анализ на страновом и региональном уровнях не выявил признаков того, что в рассматриваемый период (с начала 2000-х годов) государство использовало занятость в бюджетном секторе как инструмент социальной политики. Нет ни признаков контрциклической политики, ни зависимости численности бюджетников от уровня безработицы и ВРП на душу населения. В то же время во многих случаях нам удалось выявить зависимость от трансфертов, поступающих в региональные бюджеты из бюджетов других уровней, в том числе «эффект храповика», то есть связь роста занятости с увеличением трансфертов при отсутствии связи при их сокращении.

Общие выводы

- 1. Российский рынок труда является вполне сложившимся и зрелым.** Ключевые связи показателей РРТ носят устойчивый долгосрочный характер (показатели коинтегрированы), четко выражены (коэффициенты значимо отличаются от нуля), имеют ожидаемый знак. Во многих случаях можно даже определить направление причинно-следственных связей, которое также оказывается ожидаемым. Еще один признак зрелости – выполнение Закона Оукена.
- 2. Российский рынок труда достаточно эффективен с макроэкономической точки зрения.** Эластичность реальной зарплаты по безработице в России выше, чем в большинстве развитых стран и стран с формирующимся рынком. В первую очередь это объясняется сравнительно небольшими ригидностями (т.е. препятствиями для действия рыночных сил). Правда, вполне вероятно что свой вклад вносят также структурные слабости РРТ – например ограниченная мобильность рабочей силы, которая заставляет работодателей в регионах с дефицитом трудовых ресурсов поднимать зарплату, несмотря на избыток рабочей силы в других регионах. Тем не менее на макро уровне результатом оказывается быстрое возвращение уровня безработицы к равновесию, обеспечивающее полное использование трудовых ресурсов. Меньше чем в других странах выражена также асимметрия реакций.
- 3. На РРТ не действуют «нетрадиционные» механизмы.** Не обнаружено признаков механизма «эффективной зарплаты» (действия зарплаты на производительность), связь идет только от производительности к оплате труда, как и признаков использования занятости в бюджетном секторе как инструмента социальной политики.
- 4. Эффективность РРТ означает его высокую способность к самоадаптации. Быстрое возвращение экономики к состоянию полной занятости после шоков говорит о нецелесообразности использования мер фискального и монетарного стимулирования.**
- 5. Сила большинства связей на РРТ типична для «формирующихся рынков», единственное исключение – очень высокая эластичность реальной зарплаты по безработице.**
- 6. В целом главная особенность РРТ (настоящая «Российская модель рынка труда») – его НОРМАЛЬНОСТЬ. Т.е. наша специфика – это отсутствие имеющихся у других патологий.**

7. **Объективные предпосылки для «нормальности» РРТ:**

- Скромная роль профсоюзов в формировании оплаты труда;
- Значительный (более трети) удельный вес в структуре зарплаты премий и других выплат (Gimpelson, Kapeliushnikov (2011));
- Сравнительно высокая инфляция, позволяющая при необходимости снижать реальную величину зарплаты без изменения ее номинального размера.

8. Но институты не возникают экзогенно, а формируются эндогенно. **Наша гипотеза: рынок труда в России, в отличие от товарных рынков, счастливо избежал избыточного регулирования благодаря отсутствию на нем больших потенциальных источников «административной ренты». Поэтому нет искажения рыночных механизмов -> демонстрируется высокая эффективность с макроэкономической точки зрения.**